

«Позор? Проклятие?!»

«Неужели для него я всего лишь средство... просто лекарство вроде Содиума?!»

Хань Цзин почувствовал, как перехватило дыхание. От каждого слова, от каждой прочитанной строчки его остывающее сердце крошилось на мелкие осколки, отзываясь невыносимой, оглушительной болью. Он едва удерживал в дрожащих пальцах стакан с водой и в конце концов просто рухнул на диван, будто у него подкосились ноги.

Он тупо уставился на светящуюся панель голограммы. Прошло немало времени, прежде чем к околочевшему телу вернулась чувствительность. Хань Цзин горько, обреченно усмехнулся и обхватил руками гудящую, раскалывающуюся голову.

«Значит, всё это время я просто тешил себя иллюзиями... Бегал за ним как дурак. Всё, что я делал, в его глазах наверняка выглядело лишь жалкими, омерзительными потугами?»

«И то, что я попал на Базу № 9, и наша совместная жизнь в секторе Роедлас... всё это было лишь частью его холодного расчёта».

«Каким же я был глупцом! Радовался как ребенок, мнил о себе невесть что... Думал, что сумел растопить этот лед, что он наконец ответил мне взаимностью, полюбил по-настоящему...»

«Но почему?! Почему даже сейчас моё сердце... так отчаянно тянется к нему? Словно приросло намертво, не оторвать...»

«Да почему же?! Неужели это всё из-за проклятия Атлантиды?!»

Хань Цзин сидел неподвижно, глядя в одну точку. Прошрое и настоящее, реальность и осколки былых иллюзий кружились в его сознании безумным вихрем, оседаая мертвым грузом, словно бескрайние сугробы холодного пепла. Голова была тяжелой, а в груди зияла выжигающая изнутри пустота.

Внезапный приступ острой боли заставил его вскинуть голову. Взгляд снова зацепился за текст отчета на экране — под ним четко виднелась подпись Роджера.

— Роджер?.. — спустя долгое время тихо прошептал он. Тело налилось свинцовой тяжестью, лишая последних сил. Хань Цзин медленно протянул руку и закрыл терминал. Ни злости, ни ярости — в душе царило лишь глухое оцепенение.

Он просидел в темноте еще долго, пока ночной холод не пробрался под одежду. Только тогда Хань Цзин поднялся и прошел в спальню.

Взгляд упал на примятую постель и красивое, безмятежное лицо спящего мужчины. Сердце Хань Цзина окончательно заледенело.

Он резко отвернулся, быстро переоделся и, больше не оборачиваясь, вышел прочь, навсегда покидая эту чужую, холодную квартиру.

— Посмотри, какое огромное, бескрайнее море! Жаль только, мы бродим здесь так долго и не встретили ни души... Кажется, во всём этом огромном мире остались только мы вдвоем? — парень в его сне смущенно улыбался, почесывая затылок, и его чистые темные глаза неотрывно следили за ним.

Вдруг он снова рассмеялся:

— Но это не важно. Главное, чтобы ты всегда был рядом.

Он взял его за руку — ладонь была такой теплой, что сердце замирало от нежности.

Они стояли, обнявшись под бескрайним небом, и целовались под тихий шепот волн. Набегающий прибой ласкал берег, а небо над головой сияло чистой сапфировой лазурью.

— Нет, мне совсем не одиноко, ведь у меня есть ты... — он прервал нежный поцелуй, и его взгляд, полный тепла, словно окутал его с ног до головы.

— А тебе?

— А я... я бы предпочел провести остаток дней в полузабытьи... если ты когда-нибудь меня покинешь, — они соприкоснулись кончиками носов. В его чистых, искрящихся черных глазах отражалась его собственная улыбка. Он видел себя — улыбающегося, с мягким прищуром, сияющего ярче солнца.

Он хотел снова прильнуть к его губам, но стоило податься вперед, как сердце пропустило удар, отозвавшись смутной, необъяснимой тревогой. Он открыл глаза — и натолкнулся на холодный, безжизненный взгляд золотых глаз.

Незнакомец стоял совсем близко. Его величественный силуэт и черты лица казались воплощением неземного совершенства, словно сошедшими с безупречного полотна. Длинные серебряные волосы струились по плечам, переливаясь мягким лунным светом. И хотя лицо его оставалось бесстрастным, в глубине золотых глаз читалось величие божества, вззирающего на смертных свысока.

«Кто он?..»

Не успел он додумать эту мысль, как незнакомец с невероятной скоростью прошел сквозь него. Удар был настолько резким и мощным, словно саму его душу грубо вышвырнуло из физической оболочки.

Морис резко открыл глаза и сел на постели, тяжело дыша. По телу катился холодный пот.

«Мне приснилась Атлантида... Я ведь никогда раньше не видел её во сне».

«Но кто этот человек? Он не похож на того атланта из голограммы. Неужели существовал кто-то еще?»

«Но почему он явился в моем сне? Да еще посреди иллюзии Атлантиды?..»

«И... кажется, в самый последний миг... он нахмурился?..»

Морис потер лоб, пытаясь удержать ускользающие образы. Тот пронзительный взгляд золотых глаз... В момент, когда незнакомец прошел сквозь него, в них словно промелькнуло живое чувство. Или это была лишь игра воображения? Всё произошло слишком быстро, стремительнее вспышки света.

Морис медленно сжал пальцами простыню, чувствуя, как внутри нарастает глухое беспокойство. Воспоминания о сне заставляли его раз за разом прокручивать в голове те чувственные, обжигающие объятия, и это странное, незнакомое ощущение упрямо пробивалось наружу.

Он невольно протянул руку к краю кровати, надеясь коснуться чужого плеча, но пальцы наткнулись лишь на холодную пустоту. Сердце внезапно болезненно сжалось.

Что-то внутри оборвалось, оставив после себя лишь звенящую пустоту и безотчетную тревогу.

Он обернулся. Постель рядом пустовала. Человек, чье присутствие за последнее время стало для него естественным, как само дыхание, исчез. Никто не обнимал его, не прижимался к нему во сне... Морис должен был радоваться, что избавился от этой навязчивой близости, что ему больше не нужно скрывать глухое раздражение и неловкость, но вместо облегчения в груди разлилось странное, щемящее чувство.

Словно у него внезапно отобрали воздух.

Это было похоже на крошечный, едва ощутимый осколок, застрявший прямо под сердцем... Мелкое, но упорное неудобство, от которого невозможно отмахнуться.

Морис сделал несколько глубоких вдохов, успокаивая учатившийся пульс, откинул одеяло и

поднялся.

В гостиной было темно и тихо, лишь шорох его собственных шагов нарушал безмолвие. Ни привычного тепла, ни мягкого света. Морис почувствовал давно позабытый озноб.

Он щелкнул выключателем. Комната мгновенно залилась ярким неоновым светом — и предстала перед ним абсолютно пустой. Никого.

«О чём я вообще думаю?..»

Попытавшись отогнать сумбурные мысли, Морис налил себе стакан ледяной воды. Взгляд зацепился за лежащую на барной стойке упаковку таблеток. На секунду он замер, но тут же отвел глаза. Медленно, перебирая пальцами длинные шелковистые пряди золотистых волос, он подошел к панорамному окну.

Высокий и статный, Морис замер перед стеклом, разглядывая раскинувшийся внизу ночной мегаполис. Разноцветные неоновые огни отражались на его холодном, безупречно красивом лице. Он молча смотрел вдаль, туда, где в темноте ночи переливался яркими красками Золотой берег.

Огни за окном сливались в сплошные светящиеся полосы, проносясь мимо на бешеной скорости. Хань Цзин выжал педаль газа до упора, несясь по ночной скоростной магистрали.

На крутом повороте колеса взвизгнули, едва не сорвав машину в управляемый занос. Хань Цзин на мгновение ощутил острую, щемящую невесомость — точь-в-точь как пустота в его собственной душе.

Стремительно пролетев через районы Вебер, Золотой берег и Каридель, он всего за десять минут преодолел сорок километров и затормозил в Хайбридсе — тихом квартале, где селился средний класс.

В круглосуточном супермаркете «Дракс» пожилой продавец протянул Хань Цзину два блока сигарет и с любопытством посмотрел на своего частого гостя:

— Привет, Хань Цзин. Раньше ты вроде бы не курил?

— Раньше — нет, а сейчас без этого не могу, — Хань Цзин даже не попытался выдавить вежливую улыбку.

— Неурядицы в жизни? — понимающе усмехнулся мужчина и протянул ему простенькую зажигалку. — Держи, это в подарок. Что, в исследовательском институте С. Ф. дела не ладятся? Вся эта ваша высшая математика — чертовски сложная штука, голова кругом.

— Спасибо, — Хань Цзин забрал сигареты и зажигалку, криво усмехнувшись. — Поверьте, в мире есть вещи куда более головоломные, чем математика.

— Неужели? Чтобы тебя — и что-то поставило в тупик? Хм... Постой, ты же у нас ученый. Уж не влюбился ли часом?

Хань Цзин вздрогнул.

— Что за глупости, — вымученно отозвался он. — У меня полно работы, некогда забивать голову подобным.

— Вот как? А я уж подумал, что у тебя кто-то появился. И прическу сменил, и очки снял.

Хань Цзин невольно коснулся переносицы, и сердце снова предательски кольнуло.

— Очки сломались, — соврал он, стараясь говорить непринужденно. — Завтра заберу из ремонта.

— А по-моему, тебе без них куда лучше. Сразу как-то возмужал, взгляд открытый, — добродушно рассмеялся продавец.

Хань Цзин выдавил слабое подобие улыбки:

— Да ну... Я все-таки привык к старому образу.

Прощавшись, Хань Цзин вышел на холодную ночную улицу, достал сигарету и щелкнул зажигалкой.

Тишину спящего квартала то и дело нарушал его хриплый, непривычный к табаку кашель. Вскоре в одном из ничем не примечательных коттеджей зажегся свет, и на улицу вновь опустилась безмолвная ночная тишина.

Переобувшись в домашние тапочки, Хань Цзин прошел вглубь своего дома. На стенах висело множество рамок с фотографиями, с которых открыто улыбались счастливые лица. Рядом с простым тканевым диваном стоял круглый аквариум с золотыми рыбками, а на подоконнике пышно цвела яркая бегония. Жилье было скромным и небольшим, но от каждого уголка здесь веяло настоящим домашним теплом.

Хань Цзин прикурил следующую сигарету и, даже не подумав налить себе воды, сразу открыл ноутбук и опустился на диван.

«Атлантида...» — ввел он запрос в поисковую строку.

«Атлантида — легендарная доисторическая цивилизация. Материк, предположительно существовавший в Атлантическом океане до Всемирного потопа. Эта земля обладала невероятно развитыми технологиями, но бесследно исчезла в пучине вод...»

«Согласно преданиям, атланты вели роскошную и беззаботную жизнь в своем земном раю. Они славились неземной красотой, утонченными манерами и владели секретами регенерации тканей и омоложения организма».

«В трудах Платона упоминается, что атлантам не приходилось трудиться ради пропитания — все процессы в их городах были полностью автоматизированы. Им не нужно было учиться в привычном понимании: знания загружались напрямую через особые устройства, благодаря чему уровень интеллекта шестилетних детей многократно превосходил показатели современных ученых».

«Атланты верили, что в мире ценно абсолютно всё, независимо от того, несёт оно пользу или вред. Они стремились к духовному совершенству, раскрытию безграничного потенциала души, умели общаться с животными и, по слухам, читали чужие мысли».

Бегущие по экрану строчки содержали лишь общеизвестные мифы, выдержки из Платона да сухие гипотезы современных историков. Нигде не было ни упоминания о плотских желаниях и страстях. Напротив, во всех источниках подчеркивалось, что атланты были сосредоточены исключительно на чистоте разума и возвышении духа, сознательно отрекаясь от любых мирских вожделений. Это во многом перекликалось с восточной философией и даосскими учениями об очищении души ради обретения бессмертия.

«Но где же хоть слово о безудержной страсти, о которой без конца твердили в секретном отчете?»

«Никаких упоминаний о ящике Пандоры...»

«И ни единого намека на проклятие...»

Хань Цзин листал страницу за страницей. Пол у его ног уже был усыпан окурками, но нужная информация упорно ускользала. Наконец он глубоко затянулся, с силой выдохнул едкий дым и потянулся к лежащему на журнальном столике телефону, намереваясь набрать номер Роджера.

Но на часах было три часа ночи...

Подавив этот порыв, он долго всматривался в светящиеся цифры на экране, после чего отложил мобильный обратно. Затем нервно прикурил новую сигарету и сделал несколько

быстрых затяжек.

Нахмурившись, он продолжал лихорадочно прочесывать сеть, не замечая усталости. Он курил одну за другой настолько отрешенно, что даже не почувствовал, как тлеющий огонек обжиг пальцы.

В памяти всплыл их давний разговор с Роджером в ресторане «Нерей». Тогда они обсуждали древние мифы разных народов. Все они сходились в одном — понятии первородного греха. Человеческие пороки и страсти всегда трактовались как величайшее падение духа.

Роджер тогда предположил: если атланты действительно были теми самыми демиургами из легенд, то и предания всех земных культур уходят корнями в их наследие. Каждый дошедший до нас миф — лишь отголосок влияния цивилизации Атлантиды.

Тогда это объясняет всё... Ящик Пандоры? Вожделение? Первородный грех?..

Словно нащупав в кромешной тьме едва заметный след, Хань Цзин ощутил короткую вспышку надежды, которая тут же сменилась новой волной щемящей тоски. Он оцепенел.

Их прекрасная иллюзия Атлантиды, бывшая для него самым чистым и светлым воспоминанием, в один миг обернулась злой, невыносимой насмешкой. Неужели это действительно... проклятие Атлантиды?..

Пальцы, сжимающие сигарету, мелко и неудержимо задрожали.

Выкурив еще несколько сигарет, Хань Цзин решил расширить область поиска и вбил в строку ключевое слово: «Пандора».

История о Пандоре пришла из Древней Греции — колыбели западной цивилизации. Она была первой женщиной, созданной Зевсом, и боги наделили ее всевозможными дарами. Однако само ее сотворение было лишь уловкой верховного громовержца, пожелавшего жестоко покарать человеческий род.

Шкатулка, которую она принесла с собой, таила в себе страшное проклятие богов — все пороки мира: алчность, уныние, клевету, зависть и страдания. Сама же Пандора, наделенная ослепительной красотой, была живым воплощением соблазна. Поддавшись чарам, Эпиметей открыл ларец, и с тех пор на землю хлынули неисчислимые бедствия...

Экран продолжал мерцать. Хань Цзин хмурился все сильнее, так что между бровями залегла глубокая складка. За чтением незаметно пролетело еще несколько часов.

Он долго вчитывался в скудные строки, пока в голове не начала вырисовываться хрупкая логическая цепочка.

Почти во всех древних учениях, так или иначе связанных с возникновением человеческих пороков, прослеживался один мотив: боги прямо или косвенно предостерегали людей. Словно в библейском сюжете, где змей искусил Еву. Господь предупреждал первых людей не вкушать плодов с Древа познания добра и зла, но человек нарушил запрет, навлекая на свой род бесконечные страдания.

Конечно, существовали и легенды о цивилизациях, которые возвели вожделение в культ. Но все они — единичные случаи — бесследно сгинули в пучине времен, оставшись лишь мифами об утерянном величии.

Хань Цзин затянулся сигаретой. Благодаря своему выдающемуся уму он сумел вычленил из хаоса легенд важную деталь. Если допустить, что мифы основаны на реальных событиях... Возможно, доминирующее течение в культуре Атлантиды действительно отвергало плотские желания, но в глубокой древности существовала фракция, которая их принимала — и впоследствии была полностью, бесследно стерта из истории?

«Каждое сказание кричит об одном и том же: стоит дать волю вожделению, и мирному, гармоничному существованию придет конец, а на смену ему явятся вечные муки».

«Но человечество живет и развивается до сих пор. Более того, именно наши скрытые амбиции и желания неосознанно двигают вперед научный прогресс!»

«Или же атланты пытались предостеречь нас на примере собственной гибели? Ведь их время стремительно утекало, и они понимали, что не увидят будущего Земли...»

«Быть может, земные страсти смертельно опасны для самих атлантов? И для них это — настоящее проклятие?..»

Хань Цзин заворуженно думал об этой безумной теории. За окном темное небо постепенно светлело, окрашиваясь в нежно-голубые тона предрассветной дымки.

«Уже почти семь...» — Хань Цзин мельком глянул на часы в углу монитора и снова взял в руки телефон. В этот раз он без колебаний набрал номер Роджера.